

Марина Бородинская

Тихие игры

Марина Бородинская

Тихие игры

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Бородицкая
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Б83

М. Бородицкая

Б83 Тихие игры / Марина Бородицкая. – М.: Воймега,
2019. – 92 с.

ISBN 978-5-6041935-1-8

ISBN 978-5-6041935-1-8

© М. Бородицкая, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Тихие игры

* * *

Аполлонушка, Аполлоша!
Знаю, есть у тебя помоложе,
Порумяней да побелее,
Только я-то тебе милее.

Аполлонушка, Аполлоша,
Знаю, есть у тебя не плоше.
И способней есть, и бойчее,
И поют-то они звончее.

Аполлонушка, мил дружок,
Облети со мной хоть кружочек!
Видишь, меркну я, тяжелею.
Я за то тебя пожалею.

* * *

Часы над Киевским вокзалом
сегодня вылитый Биг-Бен.
Циклон над нами одеялом —
Атлантики воздушный плен.

Народ бульварствует и бродит,
в дворнягах — аглицкая спесь,
и нету резкости в природе,
одна серебряная взвесь.

Замедлены деревьев жесты,
а на площадке смотровой
вуалехвостые невесты
парят, колеблясь, над Москвой.

Воришка, схваченный за ворот,
кортеж известного лица —
всё в мире зыблемо. И город,
струясь, бежит из-под венца.

* * *

Мы спросили у Анны Болейн:
каково ей лежать с нелюбимым?
Шёл апрель, и стволы тополей
изумрудным окутались дымом.

— Ну а стоят ли, Анна Болейн,
эти игры в нарядах зелёных
свеч, которые в гуще аллей
разгорелись в каштановых кронах?

Так ли круто — дразнить королей?
И дают ли награду за смелость?
Ничего не сказала Болейн:
у неё голова разболелась.

* * *

Ну давай,
приходи, ночь, —
одиночь меня,
одиночь.

А потом головой
в день
ниткою дождевой
вдень.

Будет день расшит
серебром,
только рыба-стыд
под ребром.

* * *

Снег выпал. С ним была привычно такова
плутовка-осень, рыжая лисица.
Упали с губ озимые слова,
но поздно: им уже не колоситься.

А впрочем, этот плодородный снег
даёт порой негаданные всходы.
Зима не вечность длится, только век,
лёд вскроется, и забормочут воды

на горловом наречьи первых дней,
и оживут, не претерпев урона,
московский невесомый воробей
и Богом не забытая ворона.

* * *

Шла гульба, орали в голос,
с кухни травкою тянуло,
а принцесса укололась,
укололась и уснула.

Мир вокруг застыл в покое,
длился сон подобьем комы,
а проснулась — что такое?
Флэт как будто незнакомый.

Ни шприца́, ни веретёнца,
ни чинарика, ни дозы —
только зелень прёт в оконце,
только вьющиеся розы...

Чем бедняжке уколоться?
Не шипом же, в самом деле.
Смотрит — лошадь у колодца,
а на ней чувак с похмелья.

Он сидит себе кемарит,
чмок да чмок во сне губами,
а её уже кумарит —
тут, похоже, сбой в программе.

Как-то всё пошло иначе:
мимо сказки, мимо сада...
Вот и мы — проснулись, плачем,
не поймём, чего нам надо.

* * *

Отдам в хорошие руки
виниловые пластинки:
их больше не на чем слушать
и не с кем больше крутить.

Отдам в хорошие руки
кассеты с «Гусарской балладой»,
с Фанни и Александром,
с доверчивой Одри Хепберн,
похожей на оленёнка, —
бесплатно, за самовывоз,
да-да, подгоните «газель».

Отдам в хорошие руки
картинки, запахи, звуки,
собrania сочинений,
альбомы чудных мгновений...

Простите?
Нет, это не прялка такая стильная,
это лира —
битая, гнутая, семижильная.
Она остаётся.
Не отдаётся.
Пускай пока постоит.

* * *

В восемьдесят четвёртом
в очереди за водкой
меня пропустили вперёд.
— Мужики, — попросила я, —
мне одну, хотя бы надбитую, для компресса,
у ребёнка уши болят.
Мужики расступились, и кто-то гаркнул:
— Дайте девушке, ей для ребёнка!
Я ушла, прижимая бутылку к груди.

Дети выросли, я проколола уши,
но разбилась любовь, и стихи зачали,
и опять я проталкиваюсь к прилавку
за прозрачным, горьким любовным хмелем.
— Мне чуть-чуть, — шепчу, от стыда сгорая, —
хоть на донце... Мне для стихов.

* * *

Нет, мальчик, нет! Неназванная роза
не пахнет. Безымянная душа
для жаркой здешней жизни не очнётся.
Младенцу давши имя, наши предки
его скрывали долго, чтобы духи
недобрые – на имя, как на запах,
не потянулись и нутро цветка
не повредили. То, что мы зовём
глаголом, – только имя для поступка,
и в этом мудрость писаря штабного:
неназванное – не совершено.
А мы с тобой какие части речи?
Голодных два, оборванных союза,
два малоубедительных предлога,
одно двуличное местоименье?
Молчи, кружись, не бойся, дай мне руку,
ведь мы же знаем: это соловей.

Август

Бабы дуры, бабы дуры,
бабы бешеный народ...
Частушка

Звёзды – камешки в наш огород:
знай успевай желать.
Бабы и так-то дурной народ,
летом – попробуй сладь.

Ворот колодезный скрип да скрип,
стонет Земля на оси,
млечный подсолнух ко рту прилип –
Господи, пронеси!

Сочным стручкам протрубили сбор,
и возжигает жрец
в небе – огненный помидор
и кривой огурец.

Колыбельная без конца

Баю-баю-баиньки,
Прискакали зайньки.
Прискакали зайки,
Открутили гайки.

Ой, беда, беда, беда,
Съедут с рельсов поезда!

А-а-а...

Баю-баю-баиньки,
Ускакали зайньки.
К нам пришли бабайки,
Закрутили гайки.

Ой, беда, беда, беда,
Куда спрячемся, куда?

А-а-а...

Баю-баю-баиньки,
Воротились зайньки.
Воротились зайки,
Открутили гайки.

Ой, беда, беда, беда...

* * *

Три англичанки, потому что класс делился на три ради углубленья в чужой язык, – три грации: Елена Кирилловна, затем Ирина Львовна, ещё Руфина... Дмитриевна, верно? – придумали отличную игру. Они крепили кнопками к доске большие фотографии: Парламент, Биг-Бен и Темза, площадь Трафальгар с колонной Нельсона и голубями... Мы были экскурсанты. Наш автобус, составленный из стульев, объезжал красоты Лондона. Один из нас преобразался в гида, брал указку и излагал как мог, в тетрадь не глядя, пространный *topic*. Тексты диктовались заранее – или брались из книжки с гвардейцем на обложке: «This is London». Но это было весело, клянусь! Конечно, наши добрые училки не думали, что мы когда-нибудь увидеть сможем площадь Пикадилли. И кто, скажите, видел эту площадь? Артисты, музыканты, циркачи да их конвой, искусствоведы в штатском.

Теперь мы знаем, Лондон вправду есть. Париж на свете тоже существует, мы были там: всё на своих местах. Всё есть на этом свете, кроме нас –

тех, настоящих, для кого Вестминстер звучал как «мутабор». И лишь автобус, невидимый, бесшумный, сквозь туман плывёт, как хлеб, отпущенный по водам.

* * *

От заключения простого,
что Пушкин не читал Толстого,
какой-то холод в животе:
и мир не тот, и мы не те.

* * *

Дымчатый, газовый, мутный, хмельной –
воздух весенний,
много чего понаделал со мной
воздух весенний.
Звал он из комнаты в город ночной,
в гул законный,
треснувшей льдинкой, лохматой луной
посеребрённый.

Ясный, холодный, просторный, пустой
воздух осенний,
позднюю птицу прими на постой,
воздух осенний.
Всех загулявшихся кликнешь домой,
всмотришься в лица...
Дай отдышаться, разреженный мой,
дай протрезвиться.

Три эпитафии

I

Все думали, что он кавалерист,
А он тончайший был акварелист.
И, помянув его, на акварели
Со странным чувством конники смотрели.

II

Сними бейсболку, житель городской, —
Здесь баба Люба обрела покой.
Теперь в её неношеном халате
Сидит перед подъездом баба Катя.

III

Здесь вор лежит — наглейший из воров:
Обложен мрамором обширный ров,
И ангел самый крупный и унылый
Охранником поставлен над могилой.

Пруд

В нём карп когда-то плавал и карась,
Но рыба вся давно перевелась.

В нём тучи колыхались — нынче он
И малым облачком не забелён.

И всё же с неба капнула звезда
В пустые щели заглохшего пруда.

* * *

А ещё был кофе со сгущёнкой:
жестяной цилиндрик с двух сторон
вспарывался — и тягучей, тонкой
струйкой запускался в кружку он.

Сверху наливался кипяточек,
размешал и пей, чего ж ещё?
Пролетарской радости источник:
приторно, душисто, горячо!

Если б это видел итальянец,
швед, француз или другой зоил,
он бы возопил: «Какой засранец
это непотребство сотворил?!»

Но, не зная про двойной эспрессо,
запасали бабушки к зиме
тюрю, что у нас для политеса
звали *кофэ* — с обратным «э».

Отхлебнуть и выпить без остатка...
Консерванты — это не беда,
лишь бы стало горячо и сладко,
горячо и сладко, как тогда.

* * *

Почему-то считалось, что сумасшедший просто вдруг забывает, кто он такой, и твердит: «Я чайник!» или «Я ваза!»
Даже был анекдот: Робертино Лоретти своротил с ума и кричит: «Я майка!»
Нет, потом-то мы поняли, в этой бездне всё устроено много сложнее и тоньше, и который тут проводок от лампы, а какой от бомбы, поди пойми.

Если б только Всевышний, как Станиславский, раздавал нам задания для этюдов:
вы, мол, юноша, будете медный чайник,
вы, мадмуазель, — стеклянная ваза, —
о, с каким послушным самозабвением
мы играли бы этот кастрюльный джаз!

Но трясемся мы в тишине крошечной:
вот войдёт подвыпивший гинеколог
и проколет тонкий пузырь безумья,
и такие хлынут оттуда воды,
и такое выскочит робертино —
поскорей бы уж закипело утро
и «Не верю!» трижды пропел петух.

* * *

Кто валялся в моей постели,
всё мне скомкал и скособочил?
Кто рассиживался на стуле
и поставил его не так?
Кто прикончил мою овсянку,
накалякал в моей тетрадке,
и удрал навсегда в окошко,
и медведей моих унёс?

* * *

Когда Ахилл убил Пентесилею,
он взгляд её поймал всего на миг
и понял, что влюбился. Амазонка
взаимностью ответила ему.
В любви, в согласие прожили они
минуту или две – до самой смерти,
и вечность, будто свадебная ночь,
немыслимая, жаркая, цветная,
явилась им на острие меча.

Не это ль, други, идеальный брак –
двуострый миг, что проглядели боги?

* * *

— Эй, как бы этот меч
вам чашки не раскокал!
— Нет, меч нам подарил
наш старый друг Дамокл.
И даже как-то неуютно мне,
когда его не вижу на стене.

* * *

Ангел был мужского пола,
голубого цвета.
Ехал он совсем раздетый,
валяный из фетра.

Ехал он в руках у тёти,
что его валяла —
длинной тонкою железкой
плечи выправляла.

Взад-вперёд штырёк проворный
ездил без усилья,
прорастали над плечами
войлочные крылья...

Пассажиры, что напротив
и с боков сидели,
на чудное рукоделье
искоса глядели.

И шепнул мне странный кто-то
за спиною где-то:
— Встретить ангела в подземке —
добрая примета.

Заговór

Отойди, беда,
От мово гнезда
Во траве густой –
Отойди, не стой.

Я ль тебя, беду,
В зелен бор сведу –
По глухим местам
Что малины там!

Я ль тебя, беду,
Нá реку сведу –
Там жирует язь,
Что удельный князь.

Ты ли, бѣдушка,
Свет лебѣдушка,
Ты иди со мной,
Не оглядывайся.

За моей спиной –
Лишь трава стеной,
Никакого там гнезда
Сроду не было.

Хозяйка

И вот я говорю: пора,
тянусь ладонью к своду —
раздайся, Медная гора,
дай мастеру свободу!

Зелёный камень малахит
всегда к лицу и к месту.
Возьми шкатулку — без обид,
утешь свою невесту.

Стоцветный сад сравни с тюрьмой,
соври, что заманила...
Про то, как жжётся холод мой, —
молчи, молчи, Данила!

* * *

Зачем-то вдруг замечаю:

какая удобная ветка –
подпрыгнуть, схватиться, закинуть ногу...

Какая отличная горка
с волнистою ледяной дорожкой!

Какая музыка на катке!

Нет-нет, я помню,
у нас сейчас
по расписанию –
тихие игры.

Стихи о стихах

* * *

Ясные, осенние,
Где же вы, стихи –
С паутинкой гения,
Льдинкой чепухи?

Чтобы ритм поскрипывал,
Чтобы голос креп,
Уносясь в открытую
Синеву судеб,

Чтобы плыл над пастбищем
Рифмы рыжий конь,
Чтоб концовка падала
Яблоком в ладонь.

* * *

Не троньте меня, ещё рано!
Я в лодочке еду ночной,
В родимую спинку дивана
Вжимаясь озябшей спиной.

Не троньте меня, уже поздно!
Надёжным железным ключом
Дом заперт от ночи морозной,
Спят дети, и мир отключён.

...А вырастут на горизонте
С мечами фигуры мужей –
Не троньте, скажу им, не троньте
Моих чертежей.

Без эпитафия

Хотелось бы звучать мощней,
Самозабвенней, без оглядки.
Хотелось бы стрелять точнее:
Лепить кучней вокруг десятки.

Что там за труд прервал монах
Со вздохом кротким и усталым,
Стишок марая на полях
Своим отточенным писалом?

«Устала, мол, писать рука, –
Авось же труд мой не напрасен...»
И вздох остался на века,
Засушен меж библейских басен.

Гудит негромко тетива,
Стрела остра и беспорочна,
Пока летит – она жива,
И это совершенно точно.

Александрины для Гали и Оли

— А вот кому стихов! — Молчат. И поневоле
С уныньем и тоской взгляну по сторонам.
И вспомню я тогда о Постниковой Оле,
И вспомню я затем о Гале Цукерман.

Одной прочту стишок, другой спою балладу,
Средневековых строф затейливый узор
Раскину на тахте — и получу в награду
Рыдающий смешок и голубиный взор.

Под сенью этих крыл как мне жилось и пелось —
Под сводом той любви, простой, как тополя,
Под небом той Москвы, что в кожу мне так въелась,
Как в детские носки въедается земля!

Ах, не в таких гостях... нет, не в таких хоробах
Случалось побывать — и всё же неспроста,
Лишь вспомню тех двоих, друг с другом не знакомых,
Влажны глаза мои — и веселы уста.

Старушка

Подобрала бутылку из-под пива.
На свет взглянула, цело ли стекло.
Залюбовалась клумбой:
– Как красиво!
И чтобы в ноябре, да так тепло!

Ботиночки купили? верно, детям?
Ученики – хлопот, поди, не счесть?
– Нет, я себе. У деток – сорок третий.
– Что ж, хорошо... всё в магазинах есть.

Ну, дай вам Бог. – И вам. – Дождь мелкий-мелкий.
Асфальт сверкает, вечер настаёт.
Расходятся скрестившиеся стрелки,
Везёт метро, и рифму Бог даёт.

* * *

Нет, когда стихи уходят,
То уходят без следа.
Глух и нем стоит колодец:
От него ушла вода,

И уже почти не влажен
Перекопанный песок.
«Вот поди ж ты, — люди скажут, —
В одночасье пересох».

И ему уже не снится
Вёдер простенький мотив —
Дремлет он, как роженица,
Силу боли позабыв.

И гуляет на свободе
Вероломная вода,
Зная, что стихи уходят
Каждый раз как навсегда.

* * *

Стиха старинным серебром
Тот век досель святит нам воду.
Булатный звон, чугунный гром
Не прослоил его породу.

Там бьётся бешеной волной
Марина в берег бездыханный,
Там, скорбью скован ледяной,
Звучит как с башни голос Анны.

Пленённый шмель, гудит Борис
В чаду сирени над купальной,
И Осипа в санях под свист
Везут боярыней опальной.

Войдёшь — и сразу глубоко,
Обложка тёмно-синей тучей,
А вынырнешь — и так легко,
Как после приступа падучей.

Шнуруя ботинки

Цветаевские башмаки —
пощёчина высокой моде
и низкой тоже: велики,
грубы, устойчивы к погоде.
По горным пастбищам любви
в них было хожено немало...
А думается, доживи
она — уж верно б, написала
про космонавтов, про свинец
у них в подошвах, про магниты,
что улететь на тот конец
пространства — не дадут...
— Иди ты! —
себе сказала и шнурки
двойным стянула прочным бантом,
чтоб не были шаги легки
земным бессрочным арестантам.

М. Ц.

А кто б не побоялся так любить,
как было надобно болярыне Марине?
Птенец подобранный – крылами бить
обязан и ладонь клевать, что ныне
спасла его от кошки. Так она
в объятых билась, если ж замерзала,
то делалась не просто холодна:
свой дом, себя спали – всё будет мало! –
как саламандра, что в огне живёт,
вокруг весь воздух выжигая... Кто бы
не отшатнулся, если даже тот,
всевидающий, вселюбый, солнцелобый, –
не выдержал?

Ал. Ар.

– Обычный текст, – сказали ангелы...

Дух – в раю небесное пьёт сидро,
без похмелья пьянящий квас,
ну а тень Аронова едет в метро,
исподлобья глядя на нас:

на похмельных, пьяных и просто так,
засыпающих на ходу,
на уставившихся в оконный мрак
и бормочущих ерунду.

Всё-то внятно ему: кто кого ругнёт,
чей-то трёп, сопенье, смешки,
и ужасно хочется вынуть блокнот,
да бесплотному не с руки.

Я раскрою тетрадь, прокачусь ещё
из Медведкова на зюйд-вест:
может, он заглянет через плечо,
может, скажет: «Обычный текст»?

* * *

Уж осень. Соберу слова
на детский бал, на день рожденья,
пообещаю угощенье
и игры – в фанты и в слова.

И в жмурки будем, и срезáть
призы вслепую с длинных нитей,
и в «да и нет не говорите»,
и торт со свечками терзать...

Но слишком заняты слова,
притом они уже не дети,
у них в газете, в интернете
дел столько – пухнет голова!

И лишь Никто и Никогда,
наверно, примут приглашенье
и, как дитяти в утешенье,
со мной сыграют в города.

* * *

Если к вам в деревню забрёл поэт,
Предложите ему компоту:
Вашим внукам, глядишь, через много лет
Он поможет найти работу.

Будет здесь когда-нибудь дом-музей
С недурною библиотекой,
Для туристов кафе и прокат лошадей,
И фонарь зажгут над аптекой.

И за средней школою тополя
Не пойдут на дрова соседу,
Городские зазнайки-учителя
Не побрезгуют, понаедут.

Выбьет фонды директор и под жильё,
И бесплатный компот в буфете,
И трезвей и чище пойдёт житьё,
И бойчей и смышлёней — дети.

Если к вам в деревню забрёл поэт,
Предложите ему остаться:
Ваших правнуков он через сотню лет
В люди выведет, может стать.

* * *

Мелкий мусор дня,
снегопад электронной трухи
заметает жизнь,
под собой погребает стихи.

Лечь лицом к стене,
чтобы рос потихоньку сугроб,
чтоб его к весне
добрый дворник пришёл и разгрёб?

Или выйти вон,
в сизый воздух, в живые снега,
где лизнёт в лицо
молодая тигрица Пурга?

* * *

Чтобы было что описывать
Углем, кистью и пером,
Чайки кружатся над пирсами,
Созревает в небе гром.

Чтобы было что рассказывать
И показывать со сцен,
Мчат в ночи гонцы с приказами
И бойцы сдаются в плен.

Чтобы было что закручивать
И на главы разбивать,
Что ни дом — друг друга мучают,
Что ни тень — крадётся тать.

И на девочку и мальчика,
Заведённых в дальний лес,
Хищным глазом рисовальщика
Месяц щурится с небес.

* * *

Молодая, ручная, домашняя –
Стала дикая, стала страшная.

Была мамина, папина, мужняя,
Вся родня теперь – ночка вьюжная.

Была мягкая, хлебосольная –
Стала жёсткая, своевольная.

И в свою нору
Во сыром бору
Никого уже не беру.

Песенка о рубашке

Ты в рубашке родилась, моя душа:
До чего же та рубашка хороша!

Ладно скроена и сшита хоть куда,
А и морщит где, так это не беда.

Больно добрая материя, ты глянь:
Уж не делают теперь такую ткань.

И кармашки, и застёжки – всё ладком,
Где подштопано, не сыщешь и с огнём.

Хороша у нас рубашечка, мой свет,
Всякий скажет: «Ей, похоже, сносу нет!»

А мы плюнем через левое плечо:
Пусть послужит хоть маленечко ещё,

Нас подержит на лету да на плаву
И не рвётся, а порвётся, так по шву.

* * *

Хочется слоняться и лениться,
и бродить, и в рифму бормотать,
по кольцу в троллейбусе тащиться
и в уме читателей считать.

Насчитав четыре или девять,
рассмеяться и махнуть рукой,
соскочить и ничего не делать,
бормотать и топать по Тверской.

Чтоб мелькали белые кроссовки,
стих, во рту согретый, оживал, —
и молиться только о концовке:
ловкой, точной, раз — и наповал.

Тайм-аут 2

На нас летит гигантский астероид,
А Иванов Петровой куры строит.

Там где-то льды сползают с полюсов,
А Джек и Джил танцуют без трусов.

Нам перенаселенье угрожает,
А миссис Чанг в четвёртый раз рождает.

И сознаём, что мир неисправим,
Лишь мы вдвоём: поэт и херувим.

Из хулиганских
побуждений

* * *

Из хулиганских побуждений
он спички вытащил сперва
и чиркать стал, гоня тени,
забив на мамины слова.

Потом водой наполнил ванну
и разной рыбой населил,
потом нарисовал саванну
и меж зверями разделил.

Из мякиша двух человечков
слепил и яблоко скатал,
змею-колбаску свил в колечко —
и всех по стенке распластал.

Нарочно не надел пижаму,
вооружился, как бандит,
и в кресле, поджидая маму,
уснул, испуган и сердит.

* * *

Женщина с пятиугольным лицом,
наполовину жёлтым,
наполовину лиловым,
женщина с зелёными волосами
на оранжевом фоне,
ты пробудешь со мной
весь лиловый, плаксивый, чернильный февраль —
аллилуйя!

Несравненный Матисс,
добрый клоун Анри,
ты приходишь в настенные календари,
и цветные коробочки с жизнью внутри
выплывают, светясь, из тумана:
— Доскрипим, — говорят, — до тепла, до зари,
открывай и смотри —
осанна!

Трёхсотый

А трёхсотый спартаец
проболел Фермопилы –
провалялся в горячке
в соседней деревне,
и не смог оправдаться,
и не смог объяснить:
в Спарте с ним разговаривать отказались,
и вообще разговоров там не любили.

И трёхсотый, вовремя не убитый
и виной ужасною виноватый,
целый год подходящего ждал сраженья
и погиб как следует, при Платеях.

Вот такое чистилище: год молчанья.
Он не вёл дневник, не писал романа
«Фермопилы. Очерки очевидца»
или повести «Как я был забанен».
Ни стиха на глиняную табличку
не нанёс, домалчиваясь до смерти
и до памяти: ведь в конечном счёте
он сумел собой округлить число.

* * *

Господи,
то ли ты добр, но слаб,
как чеховские герои,
то ли впрямь всемогущ,
просто тебе всё равно.

Или первое,
или второе.
Так или этак.
Выбрать одно.

* * *

Чердак уж пуст. Рассохлись бочки,
и лишь пылятся по углам
обрывки ритма, полустрочки –
словесный лом, словесный хлам.

И в лад зевающей природе
кивает сонно голова,
и ноют, ноют к непогоде
невысказанные слова.

* * *

...И если когда-нибудь в этой стране
Сварганить надумают памятник мне,
Пусть низеньким будет его пьедестал,
Чтоб края дошкольник коленкой достал.
Пусть будут при этом его окружать
Песок, чтобы строить, и горка – съезжать,
Скамья – целоваться, и клён – шелестеть,
И песнь воробьиная – в небо лететь.
И ходят студенты и глядят пускай –
На счастье – тетрадки отогнутый край.

Баллада

Старенький кюре услышал шорох:
– Неужели снова балаган?
(О заезжих вспомнил он актёрах –
Тех, что утром выгнать полагал.)

Было в церкви сумрачно и сонно,
И давно истаял летний день,
Только перед статуей Мадонны
Лёгкая приплясывала тень.

А над нею в воздухе кружили
Шарики цветные, счётом пять...
– Кто ты есть? Какой ты служишь силе?
Как посмел ты ночью здесь плясать?

– Я жонглёр, – ответил грешник юный, –
И из всех искусных циркачей
Я один в Нормандии подлунной
В воздух поднимаю пять мячей.

К ночи отработали артисты
И спешат поклажу увязать,
Но хочу Младенцу и Пречистой
Я свой лучший номер показать.

И, вздохнув, кюре сказал: – Ну что же,
Сын мой, не сердись на старика.
Деве Пресвятой служи как можешь...
Дело было в Средние века.

* * *

Страна всё лето смотрит сериал
про жизнь в гареме. Роскошь и коварство.
Страна изнемогает от желанья
отдаться повелителю. Она
глядит на дверь: нейдёт ли добрый евнух
с шелками, шоколадом и шербетом?
Вот верный знак, что будет ночь любви,
а уж стонать протяжно мы умеем...
В гарем, в гарем! и больше никогда
не думать, как добыть еды для деток.

Жара. Июнь. Четырнадцатый год.
Тела убитых сложены в сарае.

Переводчик — поэту

Я не узнаю, из какого сора
пророс твой стих, мой бледнолицый брат:
ночных ли страхов, нянькиного вздора,
обломанной сирени вдоль оград?

Я не узнаю, что за боль-заноза
застыла в нём, как муха в янтаре...
Я мог бы откупиться рифмой «роза»,
но розы не росли в моём дворе.

Давай меняться — знаешь, как когда-то:
мой сор — на твой! Держи бумажный шлюп,
подшипник целенький для самоката,
свисток футбольный и молочный зуб.

Давай меняться! Что глядишь несмело?
Вон тот каштан, что в кулаке согрет,
весь лакированный, годится в дело,
и стёклышки — тут хватит на «секрет»...

Я не узнаю, что за тараканы
чердак твой посещали вечером,
но не тревожься: есть на дне кармана
гудящая коробочка с жуком.

Подруга

Дух ли, призрак ли, в самом деле, —
но не прах, всё равно не прах!
Как пятно в стекловидном теле,
не уходишь, стоишь в глазах.

Не ушла и не улетела —
вправо, влево плывёшь в тиши,
и тебя облекает тело
стекловидной моей души.

Песенка судейская

Сказала тётянька судья
по кличке Ваша честь:
— Зачем комедию ломать,
с ходатайствами лезть?

Всё решено давным-давно —
уж так заведено.
Вам что, порукой наша честь?
Ну, это не смешно!

И вы решали как-то раз,
казнить или простить.
Спросили, помните, у вас:
— Кого вам отпустить?

Сказали вам, что выбор есть, —
и вами выбран вор...
Пойду, — сказала ваша честь, —
отксерю приговор.

Песенка бессонная

Здравствуйте, кто не спит,
дышит в ночном тумане:
люлька плывёт в зенит,
раковина в кармане.

Млечности голубой,
здравствуйте, пилигримы:
раковина с собой,
посох – тук-тук, незримый.

Движемся налегке,
так, что не хрустнет ветка.
Раковина в руке,
под языком – таблетка.

Из детства

Мальчик на коробочке с зубным порошком
смотрит на коробочку с зубным порошком,
а на той коробочке с зубным порошком
тоже мальчик, но его не видно.

Круглая картонка с картинкой цветной,
сколько этих мальчиков и первый – какой?
Я спрошу у папы, прямо с порога...

Папа не ответит. Внучка скажет строго:
– Твой, Марина, порошок – выдумка и сказка,
мы идём в «Магнолию» за детской пастой,
а ещё мы купим шоколадное яйцо! –
Ну конечно, яйцо.
Ну конечно, купим.

Трижды три

1

Играем с трёхлетней Майей
В кукольный магазин.
Деньги отмыты с мылом.

2

Серебристый джип
Рядом с алой тойотой и жёлтенькой мини:
Папа, мама и дочь.

3

Какой идеальный круг
Сложился из красных рельсов!
Жаль пускать поезда.

* * *

До июля поют соловьи,
а с июля живут для семьи.
А уж в августе трелью хрустальной
в небо выстрелит лишь ненормальный.

Но под шиканье добрых отцов:
– Тише там! перебудишь птенцов! –
предосенней руладою страстной
вдруг рассыплется в гуще ветвей
безответственный, чуждый, опасный,
не создавший семьи соловей.

* * *

Году в две тыщи сорок первом,
а может, в девяносто первом
фильм о второй отечественной снимут –
в 4D, а может, в 5 или 6.
Там девушка, одетая мальчишкой,
сбежит на фронт, навстречу приключеньям,
и в партизанский попадёт отряд.
Изящная, в рейтузах и сапожках,
на пояс прицепив трофейный бластер,
помчится по сверкающему снегу
на БМП, на танке и верхом
(вот это будет главный спецэффект –
живые лошади из экопарка).
Потом она найдёт свою любовь:
осанистый, в мерлушковой папахе,
в толк не возьмёт отрядный командир –
кой чёрт его к мальчишке так и тянет?
Ведь он не гей! Ну, пробовал однажды,
по молодости, спьяну, да и то...
Но тут её в бою, конечно, ранят
в плечо, и, расстегнув на ней мундир
в штабном коттедже, – он поймёт, в чём дело.
Тут следуют две-три горячих сцены
под Моцарта и Битлз. Потом война
их разлучает: снова бой неравный,
она в плену, её спасает немец –
нет, итальянец – не фашист, конечно,
какой-нибудь Винченцо, например, –
и гибнет сам. А командир отряда
воюет до победы: до Рейхстага

под алым знаменем, до Хиросимы
под белым ослепительным грибом.
...Они случайно встретятся в Потсдаме,
на Крымской конференции. Она –
в короткой юбке, с дядей-дипломатом,
а он в охране. Скрипки. Поцелуй.
На титрах чёрно-белой голограммой
проедут Невский, Сталин, Рузвельт, Черчилль,
Кутузов с Нельсоном и Фортинбрас.

Песенка ваганьковская

Клейкой стайкой златокрылой
«носики» кружатся:
клён над папиной могилой
хочет размножаться.

В небо рвётся оголтело
лиственным цунами,
подставляет ветру тело,
сыплет семенами,

налегает на ограду
твердью напряжённой,
сыплет золотой рассадой,
крыльями снабжённой.

Что ты, клён, куда ты клонишь,
под ноги взгляни-ка —
ты нам памятник уронишь
чёрного гранита!

А на памятнике скрипка
выведена тонко,
и она поёт-играет
голосом ребёнка.

И поёт чугунок калёный
в день весёлый мая,
и приплясывают клёны,
ветками качая.

Это папа мой играет
в праздник воскресенья
для своей правнучки Майи,
девочки весенней.

Скрипка дразнит мир унылый
носиками клёна,
и усыпаны могилы
жизнью окрылённой.

* * *

Скоро некому, некому
будет нам рассказать,
как слеталися мессеры
плоть живую терзать,

как сходилися смершевцы
на зачистку своих,
как смотрели умершие
исподлобья на них,

как сестричка над раненым
голосила навзрыд,
что простынкою драною
с головою укрыт,

как отец мой наяривал,
не жалея смычка,
на румынских развалинах,
отстрелявши БК.

Будет некому, некому,
а пока ещё есть,
только негде и некогда,
и к чему это здесь?

В самолёте

Мы сегодня – счастливая группа продлённого дня.
Мы летим на запад, казённой пластмассой звеня.
Нам обещаны два даровых часа. Нам тесно и жарко,
но летим и терпим, как дети ради подарка.

Два часа, два лишних роскошных часа,
чтоб глазеть в ещё не померкшие небеса,
слушать гомон жизни, вдыхать солярку и море,
задевать прохожих и улыбаться: «Сорри!» –
и хватать лимонный шербет холодеющим ртом...

Их ещё отнимут. Но это будет потом.

Баллада о Бране, сыне Фебала

обрывок

– Гребни упорней, Бран,
Не опускай весло,
Ведь остров женщин недалёк,
Вас просто отнесло.

А там готов ночлег
И варится еда,
И время замедляет бег,
Как зимняя вода! —

Так им пропел смеясь
Сын Лера Мананнан,
Чья колесница пронеслась
По дремлющим волнам.

И вот уж виден островок,
И от прибрежных скал
Бросает женщина клубок —
И Бран его поймал.

И протянулась нить,
Подобная змее,
И в гавань помогла заплыть
Их кожаной ладье.

А там еда на всякий вкус,
И сладкое вино,
И трижды девять парных лож
Расстелены давно.

Идут за днями дни

.....

* * *

люди потопа
говорят *после нас потоп*

люди пожара
говорят *гори всё огнём*

люди поля и леса
люди дома и сада
говорят *не надо*
не надо
не надо

Бог молчит

* * *

Мальчик бабочку жалел:
только день она живёт.

Ангел мальчика жалел:
краток и его полёт.

Ангела Господь жалел:
ангельский не вечен век.

Богу бабочка шепнула:
— Я счастливый человек!

Хоровод

Всё несётся кувырком,
жалко ёлку разбирать,
кочерга за кушаком —
Новый год пришёл опять.

Затихает шум дождя,
не смолкавшего с утра,
проступает след гвоздя,
что не виден был вчера.

Земляники вкус во рту,
чудо-знаки на руке:
тут и пуговка Манту,
и царапинка Пирке.

Эскимо и снегири,
море синее с огнём,
крикнем: «Ёлочка, замри!» —
мы вернёмся, мы вернём...

* * *

Простите, дубравы,
Мы были неправы.
Простите нас, реки,
Нам ввали генсеки.
Таёжные ели,
Не так мы хотели —
Не насмерть, не жутко,
Мы думали, шутка.
Не ждали так скоро.
Простите, озёра!
Мы, в общем, случайно...

Молчанье. Молчанье.

* * *

Заболело левое крыло.
Холод приложить или тепло?

Заболело, тонко задрожало,
словно замирающее жало
ткнулось в основание крыла.

Здравствуй, долгожданная стрела!

* * *

Спит поэт в часу десятом: допоздна читал опять,
а прозаик встал до света — в ловких пальцах глину мять.
Стайку глиняных героев он качает на руке,
а один, упрямый самый, затаился в уголке.

Встал поэт, напился чаю, уши крупные напряг —
не подаст ли мирозданье звук на бедность или знак?
Не напишет ли задание на пятнистом потолке?
Но похоже, мирозданье спит, свернувшись в уголке.

А прозаик вяжет петли, жить героям не даёт,
он сплетает-расплетает, рассердившись, нитку рвёт...
А поэт посуду моет и не слышит ни черта,
сам себе петля и нитка, пальцы, глина, глухота.

* * *

Поедем в Болгарию жить!
Там розы в саду и в сквере,
тонка шерстяная нить
и призрачна тень империй.

Там тёплая бьёт волна,
рапаны кипят в Бургасе,
и быстрая речь полна
шершавых неполногласий.

Мы *краве мляко* попьём,
нетрудный сдадим экзамен,
и внука мы назовём
Людмил – или даже Пламен.

Там цены невелики,
там некуда торопиться,
и те края далеки,
где людям мил кровопийца.

Там Пловдив калит котлы,
орехи зреют и сливы,
священники там не злы,
пастушьи псы не брехливы.

Радушны город и весь,
понятны сказки и были...
Ну что мы забыли здесь?!
Да ничего не забыли.

Песенка закатная

Свет ты мой, светик мой,
Встреть меня на Сретенке.

Милый мой, любый,
Обними на Трубной.

Робкий мой, кроткий,
Проводи к Петровке.

Инда по Страстному
Побреду до дому.

* * *

Здравствуй, серенький рассвет,
самовар, баранки
и гостиничный омлет,
голубой с изнанки.

Утро средней полосы.
Дождичек. Истома.
Встали, кажется, часы.
Далеко до дома.

Вот сейчас, гляди, войдёт
старенький смотритель:
— За прогон извольте счёт.
Чаю не хотите ль?

— Что, любезный, там за звон?
Кто так тяжко стонет?
— По Владимирскому, во-он
арестантов гонят.

Пеши в каторгу бредут —
эх, народ пропащий!
Дети по миру пойдут:
Им, поди, не слаще...

Городской в окне пейзаж.
Дождик. Полудрёма.
Вот и подан экипаж —
газик из детдома.

* * *

– Ходил я к поэтам, – сказал Сократ, –
любой писец их мудрей стократ,
они не ведают, что творят.
Младенцы! – сказал Сократ. –

А ну-ка, мастер глаголом жечь,
поведай: о чём в этой песне речь?
В ответ получаем пожатье плеч.
Их следовало бы сечь.

Спросите воина и купца,
ткача, горшечника и жнеца –
и вам растолкуют стихи певца
с начала и до конца.

Ходил я к поэтам, – сказал Сократ, –
они не стоят своих баллад:
живут наобум, поют наугад...
Обидно! – вздохнул Сократ.

* * *

Что ты наделала, жестокосердная дева?
Чем насолила тебе молодая Каллисто?
В том, что лишилась девичества, разве она виновата?
Зевс его выкрал бесстыжий, твоим же прикрывшись обличем.
Мало тебе, что в медведицу ты обратила бедняжку,
Нимфу, подружку – в медведицу! – ты же из лука
И застрелила её после травли недолгой.
А с Актеоном что вышло? Вообще вспоминать неохота!
Собственным скормлен собакам тобою внучатый племянник.
И не подглядывал даже, случайно узрел он купанье,
Игры лесбийские ваши, подумаешь, дело большое!
От одиночества ты, не иначе, свихнулась,
Ты одичала, Диана – Артемис, Геката, Селена!
Лик твой затмился, а следом и лук смертоносный
Сходит на нет, и спешишь ты в ночи к молчаливой Каллисто
Браги хлебнуть из ковша и погладить её медвежонка.

* * *

Нету воздуха для стихов и негде украсть,
А стихи не растут без воздуха и без света.
Так не лепо ли бяшетъ, братие, в детство впасть
И начать нам повесть сказочного сюжета?

Не поётся без света даже хвала чуме,
Не выходит без воздуха перекликаться стихами.
Ну а сказки можно рассказывать и во тьме,
Сберегая запас огня, затаив дыханье.

* * *

И кто-нибудь за сценой
скомандует: «Закат!»
И лексики обценной
последует каскад.
И осветитель пьяный
рычаг найдёт во сне,
и вспыхнет луч румяный
в рисованном окне.
И вспыхнет луч прощальный,
вечерний, золотой
над роскошью сусальной
и стильной нищетой,
и колокол чуть слышно
вздохнёт с колосников,
что ничего не вышло,
что воздух был таков.
И станет вдруг понятно,
что это навсегда,
что некуда обратно,
что больше никогда,
лишь темень во Вселенной
да надпись «Вдоха нет»...

И кто-нибудь за сценой
скомандует: «Рассвет!»

Содержание

Тихие игры

«Аполлонушка, Аполлоша!...»	5
«Часы над Киевским вокзалом...»	6
«Мы спросили у Анны Болейн...»	7
«Ну давай...»	8
«Снег выпал...»	9
«Шла гульба, орали в голос...»	10
«Отдам в хорошие руки...»	11
«В восемьдесят четвёртом...»	12
«Нет, мальчик, нет!...»	13
Август	14
Колыбельная без конца	15
«Три англичанки, потому что класс...»	16
«От заключения простого...»	18
«Дымчатый, газовый, мутный, хмельной...»	19
Три эпитафии	20
Пруд	21
«А ещё был кофе со сгущёнкой...»	22
«Почему-то считалось, что сумасшедший...»	23
«Кто валялся в моей постели...»	24
«Когда Ахилл убил Пентесилею...»	25
«Эй, как бы этот меч...»	26
«Ангел был мужского пола...»	27
Заговор	28
Хозяйка	29
«Зачем-то вдруг замечаю...»	30

Стихи о стихах

«Ясные, осенние...»	33
«Не троньте меня, ещё рано...»	34
Без эпитафа	35

Александрины для Гали и Оли	36
Старушка	37
«Нет, когда стихи уходят...»	38
«Стиха старинным серебром...»	39
Шнуруя ботинки	40
М. Ц.	41
Ал. Ар.	42
«Уж осень. Соберу слова...»	43
«Если к вам в деревню забрёл поэт...»	44
«Мелкий мусор дня...»	45
«Чтобы было что описывать...»	46
«Молодая, ручная, домашняя...»	47
Песенка о рубашке	48
«Хочется слоняться и лениться...»	49
Тайм-аут 2	50

Из хулиганских побуждений

«Из хулиганских побуждений...»	53
«Женщина с пятиугольным лицом...»	54
Трёхсотый	55
«Господи...»	56
«Чердак уж пуст. Рассохлись бочки...»	57
«...И если когда-нибудь в этой стране...»	58
Баллада	59
Страна всё лето смотрит сериал...»	60
Переводчик — поэту	61
Подруга	62
Песенка судейская	63
Песенка бессонная	64
Из детства	65
Трижды три	66
«До июля поют соловьи...»	67
«Году в две тыщи сорок первом...»	68
Песенка ваганьковская	70
«Скоро некому, некому...»	71
В самолёте	73
Баллада о Бране, сыне Фебала	74

«Страшнее смерти...»	75
«Люди потопа...»	76
«Мальчик бабочку жалел...»	77
Хоровод	78
«Простите, дубравы...»	79
«Заболело левое крыло...»	80
«Спит поэт в часу десятом...»	81
«Поедем в Болгарию жить!..»	82
Песенка закатная	83
«Здравствуй, серенький рассвет...»	84
«Ходил я к поэтам, — сказал Сократ...»	85
«Что ты наделала, жестокосердная дева? ...»	86
«Нету воздуха для стихов и негде украсть...»	87
«И кто-нибудь за сценой...»	88

Марина Бородицкая. Тихие игры

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

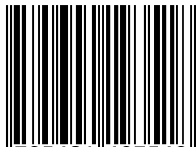
дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 23.11.2018
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5,75
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6041935-1-8

9 785604 193518

Марина Бородицкая родилась в Москве. Окончила Институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Работала гидом-переводчиком, учителем английского языка в школе. Печататься в периодике начала в 1978 году. Переводила английскую, американскую и французскую классическую поэзию. Автор двух десятков детских книг. Лауреат литературных премий имени Корнея Чуковского (2007), С. Я. Маршака (2008), премии «Алые паруса» (2008) и диплома Андерсена (2013); как переводчик – премии Британского совета по культуре «Единорог и лев» (2006), журнала «Иностранная литература» (2007), премии «Мастер» (2010). Первый сборник «взрослой» лирики «Я раздеваю солдата» вышел в 1994 году, затем – «Одинокое катание» (1999), «Год лошади» (2002), «Оказывается, можно» (2005), «Ода близорукости» (2009), «Крутится-вертится» (2013). С 1997 года ведёт на «Радио России» авторскую передачу «Литературная аптека».

ISBN 978-5-6041935-1-8

9 785604 193518